

**Ефим
ГАММЕР**

Израиль

Никодим Корзенников

РАЗМИНУТЬСЯ СО СМЕРТЬЮ

*Это рассказ о единственном в мире
глухонемом от рождения солдате
Второй мировой войны –
сибиряке Никодиме Корзенникове,
бойце 9-го спецподразделения.*

1

Туман струится по сосновым корням, сбивается в пружинистые комки и тогда, клочкастый, тягостно напоминает бельма. Эти бельма незрячие смотрят повсюду, и кажется, что мир ослеп, не видит самое себя, не то что пять-шесть десятков бойцов.

От группы отделяется один – в ватнике и пилотке, с выгнутым финским ножом в руке.

...Полицай бродил вдоль сарая, приспособленного под склад ГСМ – горюче-смазочных материалов, который и предстояло уничтожить Девятому спецподразделению, сформированному в Ленинграде Приморским военкоматом. Он шагал, сутулясь, и спиной своей, чувствительной к неприятным взглядам, уловил опасность. Мгновенно обернулся, сдернул с плеча карабин и, в тумане различив метнувшуюся к нему тень, нажал на спуск. Грохнул выстрел.

«На внезапность уже нельзя уповать», – подумал лейтенант, командир спецназа, поднимая бойцов в атаку.

При первых же выстрелах немцы откликнулись автоматными очередями. Сначала вразнобой, потом плотней и плотней. Темные фигурки отделились от приземистых домиков, собирались в цепи, уверенные, брызжащие свинцом, берущие отряд в полукольцо.

Лейтенант что-то кричал, отмахивая сжатым в кулаке наганом. Дикий напор атаки потерял свою силу. Строй смешался. Дима уже не различал рядом с собой Андрея. Он остановился, не понимая происходящего. Бойцы отряда отступали. Рядом с Димой упал вниз лицом пулеметчик. И тотчас над ним возник лейтенант. Выхватив из мертвых рук пулемет, он толкнул Диму в грудь – мол, уходи, и обернулся к поселку. Выпрямившись в полный рост, лейтенант держал изрыгающий пламя тряский «дегтарь» и медленно вел стволом по горизонтали. Совершивший промах, он искупал его собственной кровью.

Словно незримый боксер нокаутирующе вбил кулак в поддых лейтенанту.

Дима отбежал от командира, но, повинаясь какому-то внутреннему приказу, оглянулся. Он видел, как лейтенант согнулся и упал головой в корневище сосны, напрягся, хотел закричать, позвать на помощь, но издал лишь неслышный в суматохе боя горловой звук.

Дима – к командиру. Взял тяжелое тело на

спину и рванул в лес. Но вдруг нечто упругое, похожее на волейбольный мяч, но гораздо более тяжкое, обрушилось на затылок.

Очнулся он в сарае. Сквозь щели в двери виден был часовой со «шмайсером» на груди.

2

«Плен, плен, плен». Дима ощутил непривычную тяжесть в теле, тупо ныл затылок, на ладонях проступал пот. Перед ним проходили неясные видения.

Набережная Невы, Эрмитаж...

Совсем недавно он со своим братом Иваном, тоже глухонемым от рождения, прибыл в Ленинград из сибирского города Киренска, чтобы поступить в только что открывшуюся школу глухонемых. Предстояло начать новую жизнь, обрести, наконец, возможность общения с людьми.

Их принял помощник начальника политуправления речного пароходства Каюров. Вежливый, в меру степенный, он внимательно изучал протянутые Димой бумаги: «Податели сего комсомольцы Корзенниковы – Иван и Никодим. Первый из них – столяр, второй – токарь. Оба – замечательные стахановцы. Но имеют большой органический порок – глухонемому...»

Посетители в напряженных позах сидели на краешке стульев, готовые тут же вскочить и, если ему что-либо неясно, тотчас по возможности объяснить.

– Вот что, учиться вы будете вечером, днем работать на заводе «Юный водник», – сказал Каюров братьям. Те понимающе кивнули. Это обрадовало Каюрова, придало большую естественность его голосу, хотя, как он понимал, они его не слышат.

– Я сейчас позвоню в дирекцию завода, – он тронул рукой телефонный аппарат. – Вас встретят, ознакомят с производством, предоставят место в общежитии. Договорились?

«Да», – кивком ответили Корзенниковы.

Казалось бы, как это было недавно. А потом... война. И невероятная борьба с неуступчивой медкомиссией за право быть добровольцем, защищать Ленинград. Он добился своего, доказав, что стреляет, как и положено сибиряку, без промаха. И был зачислен в спецотряд. Затем несколько рейдов в тыл противника, пяток зарубок на прикладе винтовки. И... Что теперь? Конец?

Запах сена, некогда милый, был сейчас ненавистен Диме. Он напоминал о родной сибирской стороне, о парном молоке и заливных лугах. Прочь молоко и луга – надо собрать волю в кулак! Всегда он рвался из себя наружу, чтобы стать понятным людям. Но те-

перь он обязан уйти глубоко вовнутрь, спрятаться в непроницаемом ящике своей глухоты и немоты. Он, глухонемой от рождения, должен был изображать из себя вполне здорового человека, красноармейца, отказавшегося отвечать на любые вопросы.

Дверь сарая распахнулась. На пороге стоял солдат и пальцем манил к себе:

– Ком, ком.

Под конвоем его вели к штабу. Дима шел, глядя себе под ноги, – ему было совестно показаться на глаза людям. А когда поднял голову, то увидел возводимую на деревенской площади виселицу.

Его ввели в комнату с низким потолком, с письменным столом в центре и кожаным диваном у стены – прежде в этом доме, видимо, располагался сельсовет. Окна выходили на площадь. Из-за стола поднялся коренастый человек в офицерском френче, с крестом на левом кармане и цветным язычком орденовской ленточки. На правой квадратной петлице – молнии.

«Эсэсовец», – понял Дима.

На диване сидели полицейские. От всех четверых, отличившихся в бою на рассвете, шел сильный дух винного перегара. В комнате присутствовал еще один человек, судя по всему, штатский. Он был одет в синий двубортный костюм. Еще какое-то мгновение Дима рассматривал кабинет. От чего-то его внимание останавливалось лишь на мелочи: прыщики под глазами у офицера, подрагивание рук у совершенно седого полицейского, забытая на стуле детская игрушка – ванька-встанька. Но тут он заметил, как человек в гражданском костюме принялся хватать ртом воздух.

«Приступили к допросу». Корзенников отвел взгляд в сторону.

Полицейский по кличке Седой, сонный после попойки, клевал носом. Вкрадчивая речь переводчика усыпляла.

– Унтерштурмфюрер СС господин Краузе желает знать, какой путь изберет доблестный солдат – жизнь или смерть? Просим отвечать сразу же, без проволочек. Если у солдата на уме второе, то он составит компанию еще пятерым, взятым в плен на днях, и не далее как через час предстанет перед господом богом. Так что доложить господину унтерштурмфюреру?

Дима не видел слов, рождающихся в припухлых губах переводчика. «Говорить меня и силком не заставят». Горестная улыбка тронула его лицо.

– О, солдат настроен оптимистически. Значит... жить? – подхватил переводчик, по-своему истолковав подобие улыбки на лице красноармейца.

Корзенников резко отвернулся к окну. На площади заканчивали строить виселицу, перебрасыва-

вали веревки через перекладину. Почему-то три веревки.

Переводчик что-то сказал офицеру. Тот согласно кивнул, щелкнул ваньку-встаньку по лбу и закурил.

– Как я догадываюсь, молчание – знак согласия, – продолжал штатский. – Доблестный солдат, который не покинул тело убитого командира, принимает наше условие и предпочитает жизнь смерти? А теперь перейдем к делу. Германское командование интересуют все данные о воинской части, атаковавшей поселок: численность, вооружение, место базирования.

Дима наблюдал за споро идущей работой на площади: тугие узлы оплели брусok дерева, петли качались вниз.

Несмотря на Димино молчание, переводчик не сменил манеру ведения допроса, рассчитывая своим сарказмом сразить красноармейца. Но терпение терял, в голосе появились угрожающие нотки.

– Солдат изволит играть в молчанку? Не советую. Если солдат не понимает обходительного отношения, пусть пеняет на себя – примутся за него по-настоящему.

Стоило штатскому повысить голос, как это раздражающе подействовало на седого полицейского. Очень он не любил начальственного тона. Сонливость улетучилась: «Хоть бы шлепнули его побыстрей, надоело».

– Солдат изображает из себя глухонемого? – продолжал переводчик. – Напрасно. Придется об этом скоро пожалеть.

Когда Дима отвел взгляд от площади, где раскачивались веревки виселицы, он увидел, как офицер зло оттолкнул табуретку и шагнул к нему, поводя большим пальцем левой руки по костяшкам кулака правой. Приблизился, взглянул исподлобья. «Сейчас врежет», – уставился Седой на офицера.

Показное движение левой рукой, пленный отпрянул корпусом. И тут могучий апперкот правой поверг его на пол.

– Bravo! Стопроцентный нокаут! – переводчик перешел на немецкий. – Представляю себе, каким вы были на ринге, господин унтерштурмфюрер! Такого мощного апперкота мне не приходилось видеть и у профессионалов.

Второй удар пришелся Диме в голову. Черное солнце рухнуло на него, придавило и обожгло. «Кровь», – мелькнуло в притупленном сознании, когда он очнулся. Пальцы ощупывали мокрый пол: «Кровь? Нет, вода, – окатили».

Унтерштурмфюрер Краузе играл желваками, сжимал пальцы в кулаки. Непостижимо – он, ломающий людей, как трухлявую сигарету, не может развязать язык этому падающему и

встающему, подобно дурацкой русской игрушке, человеку.

Седой озлобленно смотрел на немца. Подобное зрелище не для него – нервы не те. Рот полицейского хищно оскалился, веко передернулось. Схватив табуретку, вскочил, сделал стремительный шаг к стоявшему спиной к нему фашисту и с отяжкой обрушил свое увесистое оружие на остриженный затылок.

Последнее, что он услышал – это громкую боль в сердце и треск автомата.

Дима, сгорбившись, встал на ноги. У его босых грязных ступней лежал офицер со слипшимися в крови волосами. Чуть впереди с занесенной табуреткой в руке оседал седой полицейский. Стреляные гильзы, источая дымok, перекатывались по полу у сапог автоматчика-конвоира.

3

«Вот и кончился ты, Никодим Корзенников. Поди, «Отвоевался. Неладно получилось. Смерть-то на людях надо принимать, чтоб кругом свои были, видели бы: не струсил Никодим, не склонил головы перед врагом, не молил о пощаде.

Нескладная вышла у тебя жизнь, Никодим Корзенников, безмолвная. Лишь одним дано тебе утешиться, что от меткой пули твоей фашисты падали тоже безмолвно, даже не успев закричать».

Мозг раскалывался от не вмещающихся в него слов. Сердце переполнялось несбывшимся. Дима шел по деревенской площади, запрокинув голову к солнцу. Это еще была жизнь.

На площадь выехал грузовик с откинутыми бортами, остановился под виселицей. Два немца вскочили на платформу. Проверили крепость веревок и взгромоздились на крышу кабины.

Под конвоем подвели к машине пятерых пленных. Почти все без гимнастеров, в нательных рубашках. Один, как заметил Дима, в офицерской фуражке с зеленым околышем. Пограничник. Перед ними суетился человек с закинутым за спину автоматом – вставал на колено, заходил сбоку, что-то высчитывал. Дима разглядел в его руках фотоаппарат. Немцы, сидевшие на кабине грузовика, что-то выкрикивали, смеялись.

Фоторепортер нашел наконец лучший ракурс: он вполз на платформу и, сидя, уставился в видоискатель, покручивая пальцами объектив. Тут произошло нечто невероятное: словно ураганный порыв ветра снес фотографа на землю, сбросил его головой вниз у задних колес. Тем же могущественным ветром сметены двое немцев с кабины автомобиля, рухнули на платформу в предсмертных судорогах.

Пленные бросились врассыпную.

Все это было непонятно Корзенникову не более двух-трех секунд. У его ног на пыльной земле возник ряд глянцевых капель. «Следы от пуль!» В следующее мгновение он уже бежал, хрипло дыша. Главное, пересечь открытую площадь, а там огородами недалеко до леса. Он споткнулся, упал на что-то теплое. «Труп». Оттолкнулся руками, захватив ремень автомата. «Шмайсер». Перескочив через невысокий забор, оказался в огороде. В десяти шагах от себя увидел пограничника – тот бежал зигзагами, падая и поднимаясь. «Стреляют». До спасительного леса оставалось метров сто. Дима резко взял в сторону, бросился в траву, отполз, вскочил. Рывок, еще рывок. Влетел в кусты, ветви стеганули по лицу, но боли он не ощутил.

4

Разведчики возвращались с задания. Вел группу раскосый тунгус Ваня, бывалый таежный охотник, бьющий белку без промаха в глаз, но за молодость и небольшой рост прозванный «мальцом». Внезапно он поднял руку – «Внимание», и сделал знак – скрыться. Разведчики затаились: блестящая после дождя тропа ничем не выдавала близкое пребывание людей. На тропе показался человек. Лицо – сплошной кровоподтек, красноармейская форма разодрана, на плече – немецкий автомат. Человек не идет, скорее падает вперед на непослушные ноги. Поравнялся с разведчиками, миновал их. Тогда Ваня выкрикнул ему в спину:

– Стой! Руки вверх!

Выкрикнул негромко, чтобы никто из посторонних, оказавшись неподалеку, не услышал. Красноармеец продолжал тяжело шагать, не обращая внимания на приказ.

– Стой! – повторил Ваня громче. Результат тот же.

– Фашист, наверное, переодетый, раз нашего языка не понимает, – шепнул Сергей, в прошлом матрос балтийского торгового флота. – Чесани его по ватерлинии.

Но Ваня, крадучись, двинулся сквозь заросли – знал, что на войне есть от чего человеку оглохнуть.

Дима не понял, что произошло. Только что он, усталый, шел по тропе, придерживая автомат за ствол, а сейчас, сбитый с ног, лежит в кустах и сжимает в кулаке горсть вырванной травы. Над ним нависла скуластая физиономия и непонятно, но безостановочно шевелит припухлыми губами. «Якут? С какой стати?» И тут он разглядел под капюшоном маскалата пилотку с красной звездочкой.

5

С полчаса назад Ваня доложил начальнику дивизионной разведки о выполнении задания и теперь, забавно изображая в лицах, как все было, заканчивал свой рассказ. По его словам, Диму приказали отправить в особый отдел – «проверить надо».

Корзенникова ввели под конвоем в блиндаж, сложенный добротно, с массивным – в три слоя бревен – перекрытием. Чуть позади него встал конвоир, опустив на земляной пол приклад трехлинейки с отомкнутым штыком. За дощатым столом, напротив Димы, сидел бесцветный полноватый офицер в чине майора. Постукивая карандашом по чистому листу бумаги, внимательно изучал вошедших.

Дима не понимал, что происходит, но от взгляда майора ему стало не по себе, он робел и почему-то улыбался.

Офицер, удовлетворенный осмотром, указал на свободный стул, стоявший посреди блиндажа. Дима уселся на краешек. Он уловил момент, когда майор заговорил, и мысленно повторял следом за ним каждое угаданное слово.

Майор говорил с паузами, роняя фразу, как гирию:

– Поскольку ваша личность пока еще не установлена, мы не можем быть уверены в том, наш вы человек или не наш.

Дима ухватился за угол стола, медленно поднялся, не сводя глаз с встревоженного лица офицера. Хватил ртом воздух, гневно ударил себя в грудь кулаком и, покраснев от натуги, выдавил: «Фронта!»

Потрясенный недоверием, он разыграл перед офицером пантомиму своего боевого прошлого. Однако его жесты и выкрики не дошли до собеседника. И его могли бы счесть за немецкого лазутчика и расстрелять. Но вскоре стали поступать ответы на запрос оперуполномоченного. Военный комиссар Приморского райвоенкомата сообщил, что Никодим Михайлович Корзенников, глухонемой от рождения, был мобилизован 25 июня 1941 года. Далее бесстрастный документ сообщал:

«ВЫШЕНАЗВАННЫЙ КОРЗЕННИКОВ Н.М.
ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ
ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ БОЕВОГО ЗАДАНИЯ».

Ошеломленный майор вертел в руках отпечатанный на машинке бланк. Перед ним стоял живо похороненный одним росчерком пера человек: истощенный, измученный, с коротким ежиком недавно остриженных волос. Этот человек, как может, отстаивает свою правоту – закатывает

глаза, ворочает непослушным языком, выдавливает из гортани нечленораздельные звуки.

В Приморский военкомат был направлен вторичный запрос с требованием прислать фотокарточку из личного дела красноармейца Корзенникова Н.М. и образец его почерка.

Дима вновь стоял перед особистом.

Майор, отделенный от него столом, ходил взад-вперед по низкой землянке, заложив руки за спину. Наконец он остановился и, указав на стул, придвинул Корзенникову пузатую чернильницу с ручкой.

– Пиши.

– ...?

Неумело держа в пальцах ручку, Дима с недоумением смотрел на следователя, не понимая его приказания. Что писать? И как писать, когда не умеешь?

– Пиши, пиши. Что хочешь, то и пиши. Хоть автобиографию.

Заминка и неуверенность в движениях подозреваемого обеспокоили майора. Впечатление такое, будто ручки никогда не держал.

В персональном деле Никодима Корзенникова, присланном из Ленинграда, находилось заявление с просьбой отправить на фронт добровольцем. Оно старательно выписано ровным округлым почерком, а не теми каракулями, которые постепенно появлялись из-под пера сутуло сидящего человека.

Из-за его плеча майор разглядывал написанное. Разобрал несколько кривых печатных букв. Глядя на странного и жалкого парня, он не знал, как поступить. Переслать дело по инстанции? Там церемониться не станут, нет сейчас на это времени – шлепнут. А решать что-то надо. И сейчас...

Спустя несколько дней в ответ на новый запрос офицер для особых поручений доставил майору пакет от командира Девятого спецподразделения. В сопроводительке указывалось, при каких обстоятельствах пал на поле боя красноармеец Корзенников Н.М., о чем было сообщено его родным в «похоронке». В пакете, кроме официальных бумаг, удостоверяющих личность Никодима Михайловича Корзенникова, лежало послание его товарища по оружию.

«Настоящим докладываю, что знаком с красноармейцем Корзенниковым на протяжении двух месяцев. Красноармеец Корзенников, несмотря на врожденную глухонмоту, был примерным воином, боролся с немецко-фашистскими захватчиками, не щадя жизни. На его личном счету подбитый вражеский танк, немалое количество уничтоженных метким огнем германских солдат и офицеров.

На вопрос: грамотен ли красноармеец Корзенников, отвечаю – грамотен. На вопрос: умеет ли пи-

сать, отвечаю – не умеет».

Это письмо, написанное Андреем, другом-однополчанином, определило Димину судьбу.

Положение на фронте было тяжелое. Предстояло противостоять мощному натиску группы немецко-фашистских армий «Север». Людей катастрофически не хватало, в ротах насчитывалось по два-три десятка боеспособных солдат. Диму не вернули на завод. Прислушались к его настойчиво повторяемому «Фронта! Фронта!» и определили вторым номером в расчет ручного пулемета.

6

Следом за кряжистым сержантом в замаранных глиной обмотках пробирався Дима, нагнув голову, по извилистому ходу сообщения. Мимо сидящих на дне траншеи людей, мусолящих самокрутки, переговаривающихся в минуту затишья и равнодушно поднимающих взгляд на него – одетого в свежeweыстиранное обмундирование.

Скользкая земля липла к сапогам, ногу приходилось ставить осторожно, чтобы не бухнуться в лужу. И все же у входа в блиндаж, оступившись, Дима ткнулся плечом в стенку траншеи, но удержался, юркнул за сержантом в нутро командного пункта роты.

Старший лейтенант, разложивший карту на снарядном ящике, недоуменно спросил:

– Это и есть обещанное пополнение?

– Так точно, – сухо ответил сержант и добавил уже другим тоном, будто ему было неловко: «Глухонемой он».

Офицер с недоумением посмотрел на Корзенникова, и тот, боясь, что его отошлют, рявкнул: «Фронта!»

Комроты двинул кулаком по расстеленной карте, бросил сержанту:

– Ладно, ставь его на довольствие, зачисляй к себе во взвод.

И Дима вновь вступил в войну, защищая Ленинград.

Потом – тяжелое ранение, и, в очередной раз разминувшись со смертью, он был эвакуирован на Большую землю.

Победу Дима встретил далеко от родных мест, в Краснодарском крае. В 1947 году с большими трудностями добрался до своего родного города Киренска и начал мирную жизнь. И только в 1970-м узнал о том, что в первый год войны был представлен к медали «За отвагу».

Через 25 лет после Победы эта медаль была ему вручена в Киренском райвоенкомате.

БОЛЬ СОЛДАТА

Только под вечер дед Наум вернулся домой.

Был он худ и сморщен. Одет в изжеванный пиджачишко защитного, по его мнению, цвета и в линялые, прежде синие, брюки с пузырями на коленях.

Нетвердые шаги довели деда Наума до тумбочки с узорчатой бумажной салфеткой. Она стояла в изголовье кровати, застланной по-солдатски «конвертом».

Дед привалился к жесткой подушке, подумал вполсилы: сколько годочков ему уже наступало? Пятьдесят пять, угадал правильно. И полулежа отстегнул медали. Поднес их к близоруким глазам, будто уверялся в полной сохранности своих реликвий. «За отвагу». «За боевые заслуги». «За оборону Сталинграда». И ему казалось, что вместо медалей он видит старшину Коркина с разодранным в крике ртом. Видит, как этот крепыш в заляпанных глиной кирзачах вымахнул на бруствер траншеи, замер там на какое-то мгновение и побегал, оскальзываясь, вместе с другими автоматчиками по вспаханному дождем полю. А он, Наум, прильнул к станкачу, наслаивает очередь на очередь и за грохотом пулемета не слышит невнятного бормотания «юнkersа». Не слышит... И перелом жизни, по самому хребту. Контузия оглушила его, одарила немотой и дрожью пальцев. И значит, по прибытии домой, в Киренск, ружье – на гвоздь, а в тайгу лишь за кедровым орехом.

Со временем речь и слух вернулись к нему. Живи и радуйся! Но как жить, чему радоваться, когда по зловредным языкам растекается молва, что беспрестанная дрожь его пальцев всполена не взрывной волной, а милашкой-граммолечкой. Обзаведись даже медицинским справочником, не докажешь молве свою правоту: пущена неведомо кем, сила в ней убойная, и излету ей нет. Вот и бубни, принимая стаканчик, про «жизнь огорченную». Даже сегодня, в

День Победы, в день рождения своего, когда притертый к графинчику на праздничном столе он полнил рюмочку, не обошлось без этого. А отвратная же работа – оправдываться, виноватить бомбу и, горячась, под ухмылки и реплики собутыльников реабилитировать сподрущницу-белоголовку.

– Я это... с ней накоротке, паря. Не наркомовская норма... это... меня шибает по пальцам-гуляnciaм. А контузия, мать ее!..

– Конечно, контузия, дед Наум. Конечно!.. Если трахнуть разок бутылем по темечку, будет тебе и контузия.

– Ну и дурак ты, Васька! – Дед Наум за рюмку, как за последнюю обойму. А медали его – усердно позванивать, словно вели перебранку с насмешником. – Иди в военкомат. Там тебе майор Степанов растолкует, как справно воевал сержант Гольдин, Наум Давидович.

Васька тыркнул деда Наума в ребро, сказал назидательно:

– Сержант Гольдин, как мне известно из особых источников, справно бегал от фрица. До самой Москвы. Чтобы на октябрьские покрасоваться на параде. У Сталина на виду.

– Про Сталина не скажу. Чего это ему уличать меня на параде. А вот насчет «бегал»... Тебя бы, дуrolома, не на танцы-гуляncia, а туда, в сорок первый.

– Сам сиди там. И не высовывайся.

Васька любил представлять себя стратегом, умеющим разбираться в оперативных оплошностях начального периода войны. За эти ошибки он и корил деда Наума, будто именно он, сержант Гольдин, личной волей своей разоружил старую линию укрепрайонов, передвинул ее к новым границам, к неподготовленным для обороны рубежам, и тем самым дал возможность немцам докатиться до Белокаменной.

Дед Наум скорбел от таких слов. Не он же – Главком, он пулеметом командовал.

– Смотри сюда, Васька! – Он хлопнул себя по

грудь. – Вот! Это... «Отвага». Не за красивые глаза, да! Мне ее тогда, в отступлении... А медаль образца сорок первого года... Эх, ма! Не твоя даровая брызгалка – «Двадцать лет Победы...»

Дед Наум гневно подрожал руками у лацкана чужого пиджака. И сорвал бы медальку, родом из 1965 года, если б не привитое сызмальства уважение к награде.

– Не кипятись, отец. – Васька отвел его руки к графинчику. – Прими стопаря. Полегчает...

Может, и впрямь полегало деду Науму от привычной рюмочки. Может, полегало от столь же привычного перезвона медалей. И он, закусив маринованным грибом, повторил:

– Иди в военкомат, дуrolом. Там тебе растолкуют.

– А мы и без военкомата. Здесь. Возьмем да проверим Наума Давидовича.

Васька провел жёлтым от табака пальцем по медалям деда. Но они глухо молчали. Не отзывались переливчатым звоном на странную ласку.

– Ишь ты, здесь, – дед Наум вывололся из незападного недоумения. – Войну, что ль, организуешь? Ну и Гитлер!

– Войну – не войну. Но маленькое сраженище гарантирую. Понимаешь... – Васька привлек деда Наума поближе к себе. – К нам, понимаешь, комбинатчикам бытослужбы, важнец-бумага пришла. Из Иркутска. Будем шить шубы из собачьего меха.

– Ну и шейте. А сражение твое при чем?

– Недопонимаешь! Материала-то нет! Жди его с нарочным. Когда еще придет. А план уже спустили. Дошло? Не-а? Да что тут непонятного? Этот «материал» бегают по нашим улицам в неограниченном количестве. Бери тулку и устраивай себе великий отстрел собак.

С некоторой брезгливостью дед Наум высвободился от Васькиного захвата.

– Ты это брось! Не на танцах-гуляньцах, паря.

– Э-э, выходит, слаб ты на кишку, сержант Гольдин, Наум Давидович.

– Я, бывало, на медведя ходил.

– А кто у нас не ходил на хозяина? Поговори, так каждый, оказывается, ходил. Включая и безногого Сильча.

– Да ведь это... ноги свои он потом захоронил. Под Берлином. А медведя мы с ним...

– Ладно, отец. Медведя... Чего же ты тогда собак испугался? Блохастые твари, заразу разносят, гигиену нам разрушают. Пристрелить их – это чистый навар для общества. – Васька обернулся к соседу по столу. – Правильно, а? Петро!

– Сто процентов, – отозвался Петр. И тут же,

залив свои «сто процентов» горячительным градусом, добавил: – Но не на его двор твои уговоры. Руки у него трясутся.

– Это ты брось! – возмутился дед Наум. – Я на фронте, когда затишье, в снайперы перебирался из максимистов.

– Вот и покажи нам, отец, – горячо сказал Васька, – сержанта Гольдина. Любо посмотреть на него в справном состоянии. А дедом Наумом потчуй посла, за белой-разливной, картошкой в мундире и малосольной кондёвкой.

У Наума Давидовича подсластилось под сердцем. Он себе летуче понравился: этакий живенький, бравонький, легкий на подъем. Встал над столом, уронив вилку с фаянсовой тарелки на пол.

– Ну как?

– Огурчик!

Солнце стлалось у самого горизонта. Полыхающее, высвечивало дальние пятистенники.

Они завернули к Ваське, за ружьями. И направились к стародавней помойной яме, облюбованной бродячими собаками. Как мнилось деду Науму, и собаки должны были воспользоваться выгодой от повсеместного пиршества. Однако недомыслил: отбросов сегодня куда больше, чем обычно. Вот бездомное племя и не растеклось по задворкам, а стягивалось сюда, к мусорной куче, на дурманные запахи.

Васька торкнул деда Наума локтем в бок.

– Сколь ходового материала, а?

Дед Наум, ощущая сосущую пустоту под ребрами, взвел курки. Взгляд его остановился на каком-то чахоточном кобеле.

Но Васька удержал дедовы стволы крепкой рукой кожемяки.

– Ты на кожу глаза разуй. На кожу. А от этой твоей псины – шкуры, как от козла молока. Вон, погляди, правее. Ценная шкура пасется.

– Сучку нельзя! – мотнул головой дед Наум. – Рядом с ней – ишь ты! – сосунки балуют.

– Ты это брось, отец. Сосунков жалеть, доху не кроить.

– Сучку нельзя!

– Э-э, дед Наум, – с сожалением протянул Васька. – Выдохнулся из тебя сержант Гольдин. Слеза в глазу, слюна во рту, в душе маразм да трусость.

– Не шали! Я тебе не мальцы-гулянцы, окстись, пакостник...

Дед Наум вновь поднял двустволку. Притер её к плечу. Охватил прыгающим пальцем спусковой крючок. Повел ружьём вдоль добротной шкуры, вывел к вопросительно повернутой к не-

му мордашке. Выцелил зрачок. Но этот зрачок, живой, с материнской теплыню, зятянутый мутной поволокой, как бы наплывал, разрастался в озеро, полное добра и света. И мушка отказалась служить, запрыгала, точно контузия, искалечившая его, затронула и ее тоже. Неприятная оморочь окутала его мелким ознобом, предрекая нечто уже знакомое и оттого страшное. Что? Дед Наум не успел осмыслить это «что», как гуттаперчевые пробки, исчезнувшие из ушей, снова заполняют их, пресекают потявканье щенков и злое урчание облезлого кобеля. Последнее, что он услышал, это:

– В Ташкенте ты воевал, дед Наум, а не...

Выстрела он не услышал. Но увидел, как пламя вырвалось из Васькиного ружья и мохнатая тунгуска дернула головой, вываливая из расколотого черепа серых мозговых червей вперемежку с кровью.

– Не балуй! – вскричал дед Наум, не слыша собственного голоса.

Тулка, выбитая из рук Васьки старым солдатом, воткнулась стволами в помойную яму. Васька шагнул было к ружью, но, растеряв в резком движении всю свою хмельную отвагу, нерешительно оглянулся. На него угрюмо смотрел сдвоенный зрачок «бельгийки». Дед Наум, бывший сержант Гольдин, готов был стрелять.

...В День Победы, в день собственного рождения, когда весь Киренск в этот вечерний час хороводил в пиршеском раздолье, дед Наум си-

дел дома один, прислоняясь к жесткой подушке. Наушники, подвешенные над изголовьем кровати, были для него немые. Хриплому голосу московского диктора не удавалось пробить пробку глухоты.

Дед Наум вновь пристегнул к изжеванному пиджачку защитного, по его мнению, цвета свои награды и, поднявшись с одеяла верблюжьей шерсти, медленно пошел к двери, так и не услышав желанного перезвона медалей. Пошел на улицу, туда, где в зарождающихся сумерках дожидались его осиротевшие щенки.

А вдогонку, когда он захлопывал за собой дверь, пулеметными строчками ударило из наушников:

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.*

Но эти пулеметные строчки были выпущены уже после боя, просто ради того, чтобы салютовать победе. И они прошли мимо деда Наума, бывшего сержанта Гольдина, пулеметчика-максимиста.

□

Ефим ГАММЕР –

прозаик, поэт, журналист, художник.

*Член союзов писателей, журналистов, художников Израиля
и международных союзов журналистов и художников ЮНЕСКО.*

Лауреат международной премии «Добрая лира»,

национальной Российской литературной премии

«Золотое перо Руси».

Автор многих книг.

Романы, повести, рассказы, эссе, стихи

*публиковались в израильских, российских, западноевропейских,
американских литературных журналах, альманахах, сборниках.*

